

Старые и новые
открытки с того света

Франко Арминио

Перевод с итальянского
и вступление Геннадия Киселёва

Ad Marginem

Франко Арминио

Старые и новые открытки с того света

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73872670

Старые и новые открытки с того света / Франко Арминио ; пер.

с итал.: Ад Маргинем Пресс; Москва; 2026

ISBN 978-5-908105-11-8

Аннотация

В художественном мире итальянского писателя Франко Арминио жизнь и смерть составляют естественные части человеческого существования, что придает его ритмизованной прозе метафизическую глубину. Принять смерть – единственный способ ее преодолеть. Арминио берет на себя функцию своеобразного почтальона, доставляющего открытки с того света. В его сумке короткие послания, сумевшие запечатлеть предсмертные мгновения жизни. Последнее дыхание, последний взгляд, последнее желание, последний жест. Пронзительное отчаяние перед лицом физической кончины переходит в сдержанную констатацию неизбежности этого события. Предельно сжатая форма изложения, чрезвычайно сложная сама по себе, эмоционально бьет наотмашь. В настоящем расширенном издании «старые» («Открытки с того света», Ад Маргинем Пресс,

2013) послания дополнены новыми, написанными за последние годы.

Содержание

От переводчика	6
Открытки с того света	9
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Франко Арминио
Старые и новые
открытки с того света

Franco Arminio

Cartoline dai morti

2007–2017

gransasso nottetempo

Перевод с итальянского и вступление *Геннадия Киселёва*

Ad **M** *marginem*

© Franco Mario Arminio, 2010

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2026

От переводчика

Франко Арминио пополнил свою коллекцию «Открыток с того света», изданную на русском в таком далеком уже 2013 году, новыми этюдами на заданную тему. Тему эту коротко можно обозначить так: попрание смерти жизнью, но жизнью после смерти и не вопреки ей. Смерть у Арминио, со всеми характерными для нее эпитетами, окрашенными в фатальные тона, – неизбежная, как в набоковском «Даре», лютая, как в гоголевской «Страшной мести», непонятная, ненавистная и ужасная, как в «Смерти Ивана Ильича», проклятая, как в «Девушке и Смерти», вписана в единую повествовательную канву не в качестве антонима жизни, а в качестве однородного члена предложения, вслед за жизнью, через запятую. Привычное противопоставление жизни и смерти автор разрешает уже тем, что стирает грань между ними, поскольку жизнь его героев не кончается со смертью, а в некотором смысле продолжается, ведь отправителями открыток являются всё те же люди, они лишь сменили способ существования или форму активности. «Кончена смерть, – словно говорит автор, вторя классику. – Ее нет больше». Когда смерти нет, нет и страха перед ней. Вместо него герои Арминио испытывают вполне живые и живительные чувства грусти, разочарования, недоумения, раздражения, нежности, облегчения, покоя. Автор пытается вдохнуть

в смерть как можно больше жизни, она у него жива-живехонька, и представления о ней как о неотвратимом роке – обман:

Я умер в семь утра. Надо же с чего-то начинать день.

Получается, что смерть – тоже жизнь, хоть и смерть. Наладив хотя бы почтовое сообщение между ними, писатель как будто задается невольным вопросом: а так ли мертвы мертвые души, и так ли живы живые? В рамках (рамочках) одной отдельно взятой книги (книжечки) Франко Арминио набросал модель бесшовного и безвизового пространства, перемещение по которому допустимо и в обратную сторону:

Я всегда был нетерпеливым, страшно нетерпеливым. Гроб еще не поместили в нишу, а я уже спрашивал, когда воскресну.

Но это, как говорится, в перспективе. Возможно, и не вполне отдаленной – следующих открыток. До востребования.

Геннадий Киселёв

Гробница эта Мнемозины. Когда тебе пристанет умирать,

*отправишься ты в прочные Аидовы чертоги: есть справа
там источник,
а подле – стройный белый кипарис;
здесь, спускаясь, остывают души мертвых.
К тому источнику не вздумай даже подходить;
зато напротив холодную найдешь ты воду, что течет
из Мнемозины озера; там стражи наверху стоят;
из глубины своих сердец те спросят,
что ищешь ты во тьме губительной Аида.
Скажи им: «Я дитя Земли и Неба звездного,
от жажды я иссох и умираю; так дайте же скорее
воды холодной, что течет из Мнемозины озера».
И к тебе они проявят благосклонность по воле
подземельного царя,
и позволят испить воды из Мнемозины озера;
и под конец ты пройдешь долгий путь по священной
дороге, по которой
идут и другие славные мисты и вакханты¹.*

¹ Текст начертан на орфической золотой табличке из некрополя в Гиппонионе (ныне Вибо-Валентия); найден в гробнице, содержащей женский скелет и датируемой V–IV веками до н. э.; хранится в Государственном археологическом музее Вибо-Валентии. Итальянский перевод Джорджо Колли; *La sapienza greca*. Милан: Адельфи, 1977.

Открытки с того света

Здесь конец зимы и конец весны примерно одинаковые. Сигналом служат первые розы. Одну розу я видела, когда меня везли на скорой. Я закрыла глаза, думая об этой розе. Спереди водитель и медсестра говорили о новом ресторане. Там и наешься до отвала, и потратишь всего ничего.

Я только выключил телевизор. Почувствовал слабость, лег на диван, и тут на сердце как будто надавила огромная ладонь. Я подумал, что умираю, и вспомнил, что не купил нишу в колумбарии. Теперь меня наверняка захоронят в могиле. Это будет моим последним проколом в жизни.

Я преподавал язык и литературу в средней школе. Однажды я писал на доске задание по итальянскому, и тут мне сделалось плохо. Меня отвезли в больницу. Рук у меня уже не было, глаз не было, ног не было. Сердце билось посреди пустоты.

Я погиб от удара током. Мы работали в кинотеатре и почти всё доделали. Я только вернулся из Швейцарии и был всем доволен.

Я вышел из бара и свернул не на ту улицу. Дул сильный

ветер, валил снег. Сердце под пальто заледенело.

Потом настал и мой день. «Проснись, – сказала мне жена. – Проснись», – всё повторяла она.

Я почти свыкся с болезнью. В тот день был праздник, и я надел праздничный костюм. Я смотрел, как жена устало ходит по дому. Я умер, подавившись мандарином.

Я регулярно ел жареное мясо. Теперь жена уверена, что от него у меня и заболел кишечник. Я часто болел, но каждый раз как будто понарошку. Зато когда приходит настоящая болезнь, она уже не уходит. Я перестал есть мясо. Жена готовила мне филе форели, но это было бесполезно.

Под конец приходил священник. Потом врач. Возле меня неотступно дежурили. Я не ел уже десять дней. Иногда я смотрел на распятие и думал, что жизнь – сплошной обман.

Стоял погожий солнечный день. Я не хотел умирать в такой день. Я всегда думал, что умру ночью, под лай собак. Но я умер в полдень, когда по телевизору начиналось кулинарное шоу.

Я пробовал и так, и эдак, но мне не хватало уверенности в себе. В конце концов я повесился.

Я был холостяком и умер во сне. Меня нашли через два дня. Соседка положила ладонь мне на лоб. От него пахло гнилыми яблоками.

Я сказал, что чувствую себя хорошо. Мать в это время готовила. Отец вышел прогуляться. Я снова раскладывал пасьянс, который у меня никогда не сходиллся.

Стоял октябрь. В тот день показалось солнце, вышли свежие газеты, по улицам сновали машины, в кафе болтали люди. Меня одним махом отгородили от мира. Пробил мой час – даже не знаю, как объяснить.

Я один из тех, кто за минуту до смерти чувствовал себя хорошо.

Говорят, чаще всего умирают на рассвете. Годами я просыпался в четыре утра, вставал и ждал, когда роковой час пройдет. Я открывал книгу или включал телевизор. Иногда выходил на улицу. Я умер в семь вечера. Ничего особенного не произошло. Жизнь всегда вызывала у меня смутное беспокойство. И вот это беспокойство внезапно прошло.

Я упал со строительных лесов. С утра был какой-то сонный. У меня закончился кофе. Состоится суд, кого-то обви-

нят или оправдают. Но я точно знаю: будь у меня полная банка кофе, я бы еще пожил.

Я убирал свитера. Мне надоело сворачивать их один за другим и где-то складывать. В доме скопилось слишком много вещей. Слишком много свитеров, слишком много обуви, слишком много пальто, слишком много шарфов. Я упал на пол, вцепившись в свитер. Этот зеленый свитер я так ни разу и не надел.

Я поехал в город. Простоял в пробке больше часа. Тут у меня в голове лопнула какая-то вена. Через несколько секунд заглохла и машина.

Мне было девяносто девять. Мои дети приезжали в дом престарелых лишь затем, чтобы поговорить со мной о праздновании моего столетия. Меня всё это совершенно не трогало. Я не слышал их, я чувствовал только усталость. И хотел умереть, чтобы не чувствовать и ее. Это случилось на глазах у моей старшей дочери. Она давала мне ломтик яблока и говорила о торте с цифрой 100. «Единица должна быть длинной, как палка, а нули – как велосипедные колеса», – говорила она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.